

**ЖИЗНЬ
И ШАХМАТЫ**

А Н А Т О Л И Й
КАРПОВ

**ЖИЗНЬ
И
ШАХ-
МАТЫ**

МОЯ АВТОБИОГРАФИЯ

Москва
2022

УДК 794.1:929
ББК 75.581
К26

Издание подготовлено при участии
продюсерского агентства
CELEBRITY BOOKING GROUP

Совладельцы: *Вадим Кормилицын, Евгения Дашкевич*

Редактор *Лариса Райт*

Фото на обложке:

© Jerry Cooke / Corbis / GettyImages.ru

Во внутреннем оформлении использованы фотографии:

© Рудольф Кучеров, Дмитрий Донской, Шидловский,

Сергей Субботин, В. Барановский, Борис Кауфман / РИА Новости;

© Alexander Hassenstein/Bongarts / GettyImages.ru

Карпов, Анатолий Евгеньевич.

К26 Жизнь и шахматы / Анатолий Карпов. — Москва : Эксмо, 2022. — 512 с.: ил. — (Иконы спорта).

ISBN 978-5-04-119575-5

Как добиться успеха? Как выстоять в мире подковерной возни и хитрых интриг? Как не растерять себя, совмещая в течение долгого времени ипостаси великого спортсмена, государственного деятеля, знаменитого на весь мир филателиста, президента Фонда мира, депутата Государственной Думы и руководителя огромного количества шахматных клубов и школ? Об этом и не только вы узнаете из захватывающей автобиографии двенадцатого чемпиона мира по шахматам.

Жизнь в Советском Союзе и в современной России, путешествия по миру и впечатления о любимых городах и странах, занимательные истории о знакомствах с великими актерами, художниками, музыкантами, спортсменами и политиками — вот лишь часть того, о чем рассказывает великий шахматист.

Впервые раскрывается полная история соперничества с Корчным и Каспаровым и жесткая правда о борьбе с Илюмжиновым за пост президента FIDE. Эту книгу оценят не только поклонники шахмат и любители мемуаров, но и ценители истории, приключений, политических детективов и даже глянцевого журналов о жизни селебрити. Ведь такой любопытной партии Анатолий Карпов до этого никогда не играл.

УДК 794.1:929

ББК 75.581

© Карпов А.Е., текст, 2021

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-119575-5

Оглавление

Глава 1. НАЧАЛО ПУТИ	7
Первое знакомство • От практики к теории • Приближение к мэтрам • Увлечение или судьба?	
Глава 2. ТАКИЕ РАЗНЫЕ СРАЖЕНИЯ	35
Выхожу на мировую арену • Гроссмейстер из Каракаса • Планета по имени Корчной и неуловимый Бобби • Министры бывают разные	
Глава 3. Я ЗЕМНОЙ ШАР ЧУТЬ НЕ ВЕСЬ ОБОШЕЛ	102
По Европам, но не галопом • Не Европой единой • Хэллоу, Америка!	
Глава 4. НЕЗАБЫВАЕМЫЕ ВСТРЕЧИ	165
Трон королевы и конфуз Джона Маккейна • От Брежнева до наших дней • Тэтчер и особенности шахматного питания • Аргентина — любовь моя • Африканские страсти • Мир науки и искусства • Марадона и советский Пеле	
Глава 5. ЗАКЛЯТЫЙ СОПЕРНИК	244
Приключения начинаются • Икра, шпионаж и запрещенная литература • Идея бельгийского бизнесмена • Нью-Йорк — Лион: удача, вернись! • Интриги Линареса	
Глава 6. ИГРА ПРОДОЛЖАЕТСЯ	287
Бандитская олимпиада • Звезда родилась • Кирсан, ты не прав! • Схватка в Калмыкии • Терпение лопнуло • Падение звезды	

ОГЛАВЛЕНИЕ

Глава 7. ЗАЧЕМ НУЖНЫ ДЕПУТАТЫ?	347
Наши и «не наши» бюрократы • Чтобы трава была зеленее	
Глава 8. НЕМНОГО О ЛИЧНОМ	391
Не просто учитель, а второй отец • Истоки • Моя тихая гавань	
Глава 9. ЛЕКАРСТВО ДЛЯ ДУШИ	424
Глава 10. МИРУ МИР УЖЕ ПОЛВЕКА	437
Глава 11. ИГРА СДЕЛАНА: А ЧТО ТЕПЕРЬ?	467
Территория детства • Ненапрасные усилия • От Урала до Чикаго • Шахматы за решеткой: зачем? • Не пора ли остановиться?	
<i>Список использованной литературы</i>	506
<i>Алфавитный указатель</i>	507

ГЛАВА 1

Начало пути

Благодарю, душа моя, за то, что в шахматы учишься.

Это непременно необходимо во всяком благоустроенном семействе...

(А. С. Пушкин)

Первое знакомство

— ШАХ! — ФЕРЗЬ МГНОВЕНИЕ парит над полем и почти бесшумно останавливается перед королем противника. С кровати мне не видно доски, но по напряженной позе отца я понимаю, что это еще не финал. Соперник может ускользнуть, придумать ловкий ход, изменить позицию, провести мощную атаку и вырвать победу.

В комнате висит тишина: серьезная, но не тяжелая. Нет в ней ни гнета, ни бремени, ни опасности. Мне спокойно и радостно от этой тишины. Будь я чуть старше, я бы мог назвать это состояние гармонией, умиротворением, безмятежностью. Но мне только четыре, и я пока не умею разбираться в своих внутренних настроениях. Однако чувствую, что, как только деревянные фигуры начинают свое волшебное движение по клеткам, что-то внутри меня отзывается какой-то чудесной мелодией, которая не слышна другим. А мной она овладевает совершенно. Заставляет вдохновенно следить за неспешным маршем то робких, то просто деловых, то неожиданно решительных пешек. Неотрывно наблюдать за плавным скольжением вовсе не грузных слонов и за резкими скачками грациозных коней. Поглядывать на строгую, неприступную башню, называемую ладь-

ей, и стараться предугадать, когда из терпеливого стража-охранника она преобразится в грозного воина. Сопереживать королю, которого, несмотря на все старания верного войска, неминуемо ждет поражение. И восхищаться, и преклоняться перед доблестью, благородством, жертвенностью и мастерством ферзя.

Я прикрываю глаза и снова вижу плывущую над доской белую фигуру. Она тонка и изящна, но обманчивая легкость не может заставить забыть о скрытой в ней силе и власти, которую она постоянно проявляет на поле, предавая сражению ту остроту и накал, без которых невозможна ни одна настоящая битва. Если король — терпеливый тактик, ожидающий от своей армии хитрых ходов и блестящих атак, то ферзь — отчаянный полководец и вместе с тем мудрый стратег, умеющий не только нападать, но и маневрировать, и при необходимости отступить, передохнуть, снова собраться и так развернуть на поле свои войска, что сопернику неминуемо придется отойти и признать поражение.

Ферзь в моем воображении вальсирует над доской, и я, конечно, не слышу приближающихся к кровати шагов.

— Опять? — Строгий вопрос мамы обрывает мелодию, ферзь падает, и мне кажется, я слышу громкий стук деревянной фигуры. Распахиваю глаза и понимаю, что стук действительно был. Это сосед положил короля на доску, признавая превосходство отца.

Мне неуютно под строгим взглядом матери. Я пойман, уличен, застукан. Ведь она строго-настрого запретила мне играть даже в воображении. Почему-то мое увлечение доской и фигурами казалось ей страшным и опасным. Она настолько привыкла бояться за мое физическое здоровье, что живой интерес к шахматам у маленького ребенка показался ей симптомом психического недуга. Страхи эти вполне объяснимы — мама никак не могла избавиться от страха меня потерять. Ведь это едва не произошло. Мне не было и двух лет, когда коварный коклюш привел меня к порогу смерти. Я задыхался, изо рта шла пена, и врачи, не выбирая выражений, сообщили маме, что часы мои сочтены. Не представляю, как можно выдержать подобную весть, как найти в себе силы куда-то двигаться и что-то делать. Но мама сделала: послушала двух моих бабушек и священника, которые в три

голоса твердили, как будет ужасно, если невинное дитя преставится некрещеным. Решиться на подобный шаг в те годы — огромный риск. Еще был жив Сталин, и, скорее всего, если бы о мамином поступке стало известно, карьера отца закончилась бы в одно мгновение. Но по сравнению со смертью ребенка ничто не имело значения.

Насколько же страшно было маме отрывать меня от себя, насколько жутко было видеть, как меня — полуживого — окунают в ледяную купель! Но холодная вода стала тем самым клином, что вышиб из меня коварный коклюш. От стресса я закричал во всю мочь, а священник засмеялся и объявил свой вердикт:

— Жить будет.

Я выжил, но продолжал доставлять маме постоянные волнения своими бесконечными простудами: фарингиты, тонзиллиты, ларингиты были моими постоянными спутниками. Если и быть благодарным моему плохому здоровью, то только за то, что мама не долго думая ушла с работы и посвятила себя заботам обо мне и о моей старшей сестре — Ларисе. И сделала она это настолько комфортно и ненавязчиво, что мы в отличие от многих других детей, которых берегут от детских яслей и садов, выросли не аморфными и инфантильными, а по-настоящему зрелыми и самостоятельными людьми.

Моя очередная простуда случилась как раз вскоре после того, как мама, не разобравшись в том, насколько моя возня возле доски близка к настоящим шахматам, забрала ее у меня и решительно запретила брать фигуры. Но запрет только распалил мой интерес, я не мог удержать себя и не хотел. И прежде чем заболеть физически, я успел заболеть ментально — заболеть шахматами. Лежа в кровати под одеялом, из-под которого мне не позволяли вылезать, я обнаружил, что для игры в шахматы совсем не обязательно использовать доску и фигуры — их можно сколько угодно рисовать в воображении, и это нисколько не надоедает. Я настолько увлекся своим открытием, что не заметил, как подошла мама и стала пристально меня рассматривать. Мое поведение и мой внешний вид ее насторожили. Я не спал и не играл с игрушками, но вместе с тем находился в каком-то видимом напряжении, будто решал очень сложную, одному мне ведомую задачу. Мама попыталась окликнуть меня, но я лишь отмахнулся и про-

должил витать в собственных мыслях. Мама не знала, что делать, молча наблюдала за мной, а потом спросила, пораженная:

— Играешь?

Я только кивнул, соглашаясь, и жестом попросил ее не мешать.

— Прекрати немедленно! — Мама повысила голос, нахмурилась. — Я же тебе запретила!

Я не понимал ее негодования, но прекратил. Тем более что думать во время скандала невозможно. Ощувив мое расслабление и покорность, мама ушла. А я повернулся к стене, чтобы она решила, будто я сплю, и больше меня не беспокоила, восстановил в памяти позицию прерванной партии и спокойно продолжил свою игру. С тех пор я играл практически постоянно, и вот опять меня уличили в неповиновении.

— Женя, — мама пристально смотрит на меня, но обращается к отцу, — он снова не спит и, кажется, снова играет. — В ее голосе больше растерянности, чем угрозы, и во мне яркими искрящимися лучами вспыхивает надежда: а вдруг, а что, если сейчас... Из-за мамы я не вижу отца, который все еще сидит за доской, но чувствую, что он вот-вот что-то ответит, и почему-то уверен в том, что от его ответа зависит все мое будущее.

Родители считали меня слишком маленьким, чтобы допустить к шахматам. Очевидно, они считали, что фантазии четырехлетнего ребенка должны быть заняты чем-то другим. Но для меня шахматы были армией солдатиков, которые вели интереснейшие сражения. И не важно, где проходили бои: на ковре или в моей голове. Они не становились от этого менее значимыми и захватывающими. Состояние войны естественно для любого мальчишки, юноши, мужчины. Если не с кем воевать во внешнем мире, он отыщет демонов внутри себя и снова начнет пылливо думать, выработать стратегию, искать ходы. Так что, в сущности, разыгрывая в уме шахматные партии, я предавался занятию, свойственному практически любому человеку мужского пола.

— Знаешь, Нинуль, — ровный голос отца заставил мое сердце встрепенуться и заколотиться в трепетном ожидании, — ведь ничего плохого в интересе к шахматам нет. — Я уже не мог сдерживать ни

улыбки, ни отчаянного желания вскочить с кровати. Я сел и смотрел на отца в нетерпеливом ожидании.

— Нет, но... — Мама всплеснула руками и села со мной рядом. От прикосновения ее плеча сразу стало тепло и как-то очень нежно. Я чувствовал ее внутренние метания и, хотя она продолжала молчать, казалось, слышал ее мысли: «Он постоянно болеет. Эти страшные бронхиты. А тот ужасный случай, когда Толю едва вытащили с того света. Ему бы закалку, спорт: коньки или лыжи, или футбол, например. Да, все нормальные мальчишки пинают мяч, гоняют в казаки-разбойники, стреляют из рогатки, а наш лежит и смотрит в ковер на стене невидящим взглядом, и кто его знает, что на самом деле происходит в его голове. Конечно, в интересе к шахматам нет ничего плохого, но его интерес переходит все границы!»

— Но запретный плод сладок, Нина. — В тоне отца появляется твердость, с которой мама никогда не спорит. Отец — глава семьи, непререкаемый авторитет и безусловный пример во всем. Вот и сейчас мама кивает, соглашаясь, и, кажется, я вскакиваю еще до того, как услышал призывное: — Иди сюда, сынок!

Забираюсь к отцу на колени, он спрашивает:

— Знаешь, как ходят фигуры?

Киваю и передвигаю несколько пешек, толкаю по диагонали слона, подскакиваю в сторону конем.

— Молодец! — Похвала разливается по моим щекам густым и приятным румянцем. — Ходы действительно выучил. А что же такое шахматы на самом деле? — Я молчу, не понимая вопроса. В чем подвох? К чему спрашивать? Ясно же, что это игра. Белые бьют черных или наоборот. Есть победитель и проигравший, порой случается ничья. Вот и все. Никакой хитрости. Но я уже знаю, что отец не был бы отцом, если бы спрашивал просто так, поэтому просто пожимаю плечами и терпеливо жду продолжения.

— Давным-давно, сотни и сотни лет назад... — Я прижимаюсь к отцу и прикрываю глаза. Как здорово — будет сказка! — В далекой стране Индии жил один раджа.

— Кто?

— Раджа — правитель, как царь или король.

— Аааа...

— Раджа ходил в походы, считал золото в своей казне, прогуливался по богатому дворцу и дивному саду, ездил на слонах и умирал от скуки.

— Правда? — Разве можно умирать от скуки, катаясь на слонах?

— Истинная. Так ему надоело все время делать одно и то же, что однажды объявил он всем своим подданным, что тот, кто сможет его удивить и избавить от скуки, сможет попросить у него все что душе угодно. И вот ко дворцу стали стекаться люди. Богатеи несли золото и драгоценные камни, мудрецы — книги, погонщики — слонов и верблюдов. Но богатств радже хватало своих: казна ломилась, библиотека была переполнена, а зоопарк изобиловал редкими видами животных и птиц. Ничто не могло поразить раджу. Все ему было не ново, все скучно, пресно и совершенно неинтересно. И вот однажды пришел во дворец простой человек с деревянной клетчатой доской и лежащими внутри фигурами и пообещал радже, что как только он объяснит ему и его визирям правила игры, у них будет развлечение на долгие годы. Человек показал радже, как двигать фигуры, и игра началась. Каждый раз, приближаясь к королю, раджа кричал: «Шах!» — что в переводе с персидского означает король, а выиграв, расплылся в улыбке и произнес «Шах. Мат», что переводится как «смерть короля». Игра, которая тут же обрела свое название, так понравилась радже, что он предложил дарителю озвучить свое желание, которое сразу будет исполнено.

— Хочешь десяток слонов или рубиновую брошь? А может быть, осыпать тебя бриллиантами? Поверь, мне ничего не жаль для того, кто прогнал мою скуку.

— О, великий раджа! — смиренно отвечал человек. — Я — обычный крестьянин. Что за польза мне от слонов и бриллиантов? Вот если бы ты мог поделиться со мной пшеницей...

— Конечно! — Раджа и рассчитывать не мог на такую удачу. — Сколько ты хочешь?

— Хочу, чтобы на первую клетку ты положил одно зернышко. Но на каждую следующую клетку на доске клади вдвое больше, чем на предыдущую.

— И все? — Раджа не скрывал удивления. Просьба показалась ему пустяковой. Он не сразу понял, что на доске шестьдесят четыре клетки и количество зерен, которые в итоге придется отдать, будет неисчислимым.

— И отдал? — Я затаил дыхание.

— Отдал. — Отец улыбнулся. — Так что же такое шахматы, сынок?

— Смерть короля, — торжественно объявил я, буквально наблюдая за тем, как воображаемый король падает ниц и погибает. К моему удивлению, взрослые засмеялись.

— Нет, малыш. — Отец ласково треплет мои волосы и говорит: — Шахматы — это то, что может помочь тебе обрести столько пшеницы, сколько ты захочешь.

Конечно, тогда я не понял глубокого философского смысла этой фразы, но хорошо запомнил то возникшее во мне ощущение трепета, которое появляется каждый раз, когда тебе доверяют важную тайну. С того момента запрет на игру родители сняли, но решили не выпускать ее из-под контроля. Отец сам предложил мне сыграть: принес доску, поставил передо мной:

— Ну, давай, сынок, покажи, что ты умеешь.

Радость настолько поглотила меня, что я сдался в плен нахлынувшим чувствам, совершенно забыв о разуме. Оказывается, я так ждал приглашения, так хотел его, что, дождавшись, ринулся в бой с усердием пахаря, который жаждет вырастить хлеб, но вместо сорняков выпалывает колосья. Я так хотел поразить отца своими умениями, так спешил понравиться, так мечтал услышать похвалу, что совершал ходы, совершенно не задумываясь о последствиях. Брал то одну фигуру, то другую, ощущая лишь непередаваемый восторг и безудержное счастье. Опомнился я, только когда увидел, что моя армия почти полностью уничтожена. Солдаты отца, выдвинувшись вперед, возвышались мрачными исполинами по всей доске. Разгром мой был очевиден и безоговорочен.

Сейчас я прекрасно понимаю, что отец несколько не пытался меня обыграть, напротив, он был только за то, чтобы потешить детское самолюбие и уступить моему напору. Но напор оказался слишком горяч, и в его жаровне я не заметил, как увлекся. Отец пытался

уберечь меня от провала, следил за тем, чтобы его фигуры не попадали под мои безудержные ходы, а когда заметил во мне понимание происходящего, не стал доводить партию до мата и фиксировать результат, лишь дипломатично сказал:

— Что-то маловато фигур у нас осталось, играть почти нечем. Может быть, еще разок?

Я ухватился за это предложение и тут же, забыв обо всем, снова отчаянно ринулся вперед. Но теперь отец остановил меня. По его представлениям в любом деле, даже в игре, должен был быть свой порядок, система и, взявшись учить меня, собирался делать это так же неторопливо и добросовестно, как делал все в своей жизни.

— Не спеши! — сказал он миролюбиво. — Сперва подумай — потом ходи.

Элементарная заповедь на все случаи жизни, но не все принимают и понимают ее сразу. Мне повезло: я тут же почувствовал и ее значение, и смысл, и правоту, только исполнить не смог. Я был слишком мал, чтобы учитывать в своем плане волю, стратегию и мысли соперника. Это оставалось за пределами моего понимания, так что, надо признаться, умел я в шахматах на тот момент довольно мало.

С той поры наши «встречи» с отцом стали регулярными, но заканчивались всегда одинаково — моими слезами. Однажды отец не выдержал очередного потопа и строго сказал:

— Еще раз заревешь, сынок, — я с тобой больше играть не сяду.

Я привык, что дважды в нашем доме родители никогда и ничего не повторяли. Слезы быстро высохли, а непродуктивная тактика постоянных страданий сменилась острым желанием достичь уровня отца. Мне понадобилось на это целых три года! Три года, чтобы догнать в общем не особо сильного игрока уровня второго разряда. Но зато равенство наше длилось недолго. Уже к восьми годам я регулярно выходил победителем в наших партиях, а к девяти мы и вовсе потеряли интерес к совместной игре, так как результат стал очевиден и неотвратим.

К этому моменту я уже занимался в шахматном клубе, куда меня привели товарищи по двору. На улице я приобрел статус местной знаменитости, хотя первую шахматную баталию умудрился про-

играть своему будущему хорошему другу — Саше Колышкину, который был на пять лет старше и учился в одном классе с моей сестрой. И проиграл я партию совершенно бездарно, имея неоспоримое преимущество и все шансы на победу. Но в эндшпиле, распеваемый зрителями, я начал играть на публику, небрежно и безоглядно, делал очевидные и легковесные ходы, за что и поплатился. Гармония партии распалась в одночасье, а я, увлеченный актерством и поддержкой «трибун», умудрился это пропустить. Я мог выиграть самую первую партию во дворе, и осознание этого меня потрясло, а еще больше потрясло понимание того, насколько глупым оказалось поражение.

В тот день я снова заплакал. Старшие товарищи что-то говорили мне, пытались успокоить, что-то объяснить, хвалили меня неустанно и даже лукавили, что не понимают, как все это вышло. Но я это прекрасно понимал, а еще понимал, что плачу при всех в последний раз.

От практики к теории

Дворовые поединки стали моим любимым времяпрепровождением, я совершенствовался, рос и, достигнув в своем понимании должного мастерства, попросил старших ребят взять меня в клуб, где, по слухам, как раз комплектовался турнир на получение третьего разряда. Просьба моя не могла не показаться им забавной. Ребята были и порядком старше меня, и, конечно, выше, успели к тому времени сыграть в квалификационных турнирах, где существовало три юношеских разряда и еще два мужских. Но отказывать товарищи не стали и привели меня к секретарю шахматной секции — Алексею Ивановичу Паку. Днем он работал металлистом в горячем цеху, а по вечерам руководил клубом. Были в нем и мудрость, и доброта, и педагогический дар, поэтому на просьбу ребят он откликнулся, не стал отмахиваться, но предложил компромисс:

- Включу вашего Карпова в турнир, если пройдет испытание.
- Какое?
- Контрольная партия с одним из нас. Выиграет — добро пожаловать на турнир, нет — до свидания.

Ребята идею поддержали, они хотели, чтобы все увидели — они привели настоящего шахматиста, а не какого-то проходимца. Я воспринял предложение даже с энтузиазмом — не хотел никаких поблажек. Пак, явно не страдавший отсутствием чувства юмора, назначил мне в соперники старейшего члена клуба — Морковина, разменявшего восьмой десяток. Мой визави старался изо всех сил, но я вырвал победу без особого труда, получил законное право сыграть в турнире, который провел успешно, и с первой попытки выполнил норму третьего разряда.

Так я стал полноправным членом шахматного клуба. Клубом, конечно, нашу секцию можно было назвать с большой натяжкой. Мы теснились в сорокаметровом помещении, выделенном Дворцом спорта металлургического завода. Впрочем, назвать двухэтажный амбар с малюсенькими окнами дворцом пришло в голову, скорее всего, тому, кто сделал его фасад наивно помпезным, совершенно забыв о внутреннем наполнении. За дверью располагались два зала: баскетбольный и легкой атлетики и несколько больших комнат, одна из которых — сплошь заставленная столами — принадлежала нам.

Считалось, что мы там — в единственном месте в городе — занимаемся шахматами. Я бы не называл это занятиями, ведь мы ничего не изучали. В секции не было никакой шахматной литературы, за исключением нескольких потрепанных, ничем не примечательных книжонок. Непримечательных потому, что я не могу вспомнить названия ни одной из них. Не было и специальных преподавателей-методистов. В общем, никакой теории, одна сплошная практика: часами, до изнеможения, до полного утомления мозгов, десятки партий подряд. Редкие уроки тоже были наглядными — нам разрешалось наблюдать за партиями заезжих шахматных гастролеров. Но приезжали они, конечно, нечасто.

Я люблю свою малую родину, но понимаю, что большинство людей предпочитают демонстрировать себя и устраивать свою жизнь в больших городах. Мой Златоуст — небольшой город в Челябинской области — обязан своим названием промышленной разработке недр Южного Урала, которая началась в середине восемнадцатого века тульскими промышленниками Мосоловыми и продолжается до сих пор.

Оружейный завод, фабрика по литью пушек, изготовление гравюр на металле — всем этим был славен Златоуст задолго до революции, а с приходом советской власти остался центром качественной металлургии. После окончания Великой Отечественной войны город стал центром не только металлургической, но и машиностроительной области, увеличилась площадь города, в два раза выросла численность населения, в основном за счет рабочих и специалистов, приехавших на Урал в эвакуацию и решивших остаться здесь после Победы. На машиностроительном заводе работали и мои родители. Отец — мастером, затем начальником цеха, мама служила экономистом на производстве. Если бы меня попросили дать родителям короткую характеристику, я бы ответил просто: рабочие люди. Но разве можно в двух словах описать тех, кому ты стольким обязан? Нет-нет, мои родные достойны того, чтобы еще появиться в книге в отдельной — «не шахматной» — главе. А здесь еще раз скажу, что труда они никогда не боялись, да и как могли его бояться труженики тыла, которые работали по пятнадцатшестнадцать часов в день, спали на заводе, потому что дома — уставшие — могли проспять рабочую смену, несмотря на то что завод давал громкий предупредительный гудок о начале работы.

Я хорошо помню эти заводские гудки, звучавшие и в первые послевоенные годы. Если завод зимним утром в семь часов трубил один раз — в школу не идут начальные классы, два — дома остаются и средние, три — все школы закрываются из-за сильных морозов.

Школы закрывали, а в шахматную секцию можно было ходить в любую погоду — ведь возрастного ценза там не было. Справедливости ради стоит сказать, что теоретические занятия все же иногда случались, но системы в них не было никакой. Пак по собственному желанию и наитию мог неожиданно объявить:

— Завтра изучаем королевский гамбит. Прошу подготовиться. — Как готовиться, не имея на руках никакой даже самой захудалой книжонки, он не говорил. А мы и не спрашивали, понимали, что Паком овладел очередной педагогический зуд, который скоро закончится. Действительно, хватало его на час-полтора, после чего все с удвоенным рвением принимались играть, будто хотели нагнать упущенное в рассказах время.

Мы жили шахматами и не ждали от них ничего, кроме живых положительных эмоций. Все в клубе, не исключая меня, были уверены, что играют в те же шахматы, что Алехин и Капабланка. Просто наш уровень на порядок уступает уровню великих мастеров. Какая наивность! Мы существовали в том простом шахматном мире, где никому не приходит в голову, что истинный смысл шахмат вовсе не в активности, а в равновесии. Теория казалась мне занятием скучным и даже ненужным. Откуда мне было знать, что любимая мною система развития, которую я выработал собственными умозаключениями, — это известная еще со Средних веков испанка? Мой винегрет, конечно, отличался от строгой интерпретации оригинала, но мотивы были слышны довольно явственно.

В клубе мы, конечно, росли. Сначала играли как бог на душу положит, затем увлеклись королевским гамбитом, который долго оставался в моде. Потом пришли к сицилианской защите, ребусы которой окончательно разгадать не смог никто из нас. Для этого не хватало определенной шахматной культуры, которой у нас — охваченных любовью к игре и жадной познания — тогда еще не было.

Но сами участники клуба были о себе довольно высокого мнения. Помню, с каким апломбом, с какой язвительной иронией говорили мы об английском начале как о вопиющей демонстрации излишней медлительности. Мы даже представления не имели о том, что в каждом дебюте заложена своя философская идея. Впрочем, что касается философских идей, ни одна из них не была нам знакома.

А я и подавно скучал. Дебютные схемы напоминали мне скелеты вымерших животных. В них не было жизни, драйва, огня. Мне был понятен их прагматизм, но его пресность не привлекала. Он мог вызвать любопытство на короткое время, но никак не длительный интерес. Я был слишком мал, чтобы оценить причину такого своего отношения, слушал рассказы о схемах очередного дебюта вполуха и прикидывал, сколько же блицев можно было уже сыграть вместо того, чтобы так бездарно тратить время.

Это первое и довольно неудачное знакомство с теорией шахмат тем не менее навсегда предопределило мое отношение к дебютам, которым я со всей ответственностью и совершенно искренне могу

назвать прохладным. Впрочем, неприязнь к шахматной теории в те годы нисколько не мешала моим шахматным успехам.

В десятилетнем возрасте я выполнил норму первого разряда и был отправлен на чемпионат России среди юношей в Боровичи — маленькое местечко между Москвой и Ленинградом. Условия там даже по советским меркам были ужасные: спали по десять человек в одной комнате, душ оставался недостижимой мечтой. Остальные участники турнира были в полтора раза старше меня и опекали как могли. Чтобы не стоять всю игру, мне приходилось приносить с собой подушку и подкладывать ее на стул, но даже это едва помогало мне выглядывать из-за доски.

Эти соревнования помню еще так хорошо, потому что начал их — практически единственный раз в жизни — сразу с двух поражений подряд, потом все же набрал 3,5 очка, приободрился, но тут же снова «получил по носу» от старшего соперника из Краснодарского края по фамилии Потупа. Выдержки и собранности мне — мальцу — тогда еще не хватало. Помню, выбежал из турнирного зала и разревелся, но слезы были спасением — эмоции нашли выход, что позволило успокоиться и взять себя в руки. Турнир я закончил достойно, в Москву, где на вокзале меня встречали мама с сестрой, возвращался с ощущением собственной значимости. Эти чувства абсолютно противоречат тому впечатлению, которое я производил на окружающих, в том числе и на маму, которая так вспоминала нашу встречу на перроне:

— Ты стоял такой маленький, растерянный, со взглядом затравленного волчонка. Чемодан, казалось, делал тебя еще меньше. Ты был в замызганных коротких штанишках на скрученных бретельках, в грязной измятой рубашке, в порванных сандалиях — невымытые пальцы выглядывали через излохматившиеся дыры.

Могу представить, какой жалкий вид у меня был, но внутри все буквально лопалось от гордости. За успехи в шахматах администрация Челябинской области наградила меня путевкой в «Орленок», куда я и отправился сразу по прибытии с турнира.

Знаменитый впоследствии на всю страну лагерь в свою первую смену шестьдесят первого года был обычным палаточным городком на песке — на Черноморском побережье недалеко от Туапсе. Благо-

устроенные корпуса построили спустя несколько лет. Отбор в «Орленок» был действительно жестким, попасть туда можно было, только обладая талантом в какой-то области знаний. Мы все — участники первой смены — сразу это почувствовали, поняли, что произошел уникальный слет ребят со всей Российской Федерации.

Как только прошли первые конкурсы самодеятельности и первые спортивные состязания, вожатые увидели, насколько большим потенциалом обладают их подшефные. Кто-то предложил фантастическую идею — вызвать на поединок ребят, собравшихся во всесоюзном «Артеке». Представляю, сколько согласований в различных инстанциях потребовалось бы в нынешнее время, чтобы мероприятие состоялось. А тогда директора лагерей спокойно обо всем договорились между собой, и мы на тринадцати автобусах поехали из Туапсе за девятьсот километров в Крым.

Артековцы почему-то отнеслись к нашему визиту довольно легкомысленно, считали, что они заранее превосходят нас во всем лишь потому, что оказались в «Артеке». Но мы не позволили им насладиться ожидаемым триумфом — разгромили практически во всех конкурсах и состязаниях. Разумеется, я принимал участие в шахматном турнире, в котором мы с командой легко одержали верх.

Никто из российских «орлят» до этого путешествия в Крым не бывал, поэтому, пользуясь случаем, нам решили показать весь полуостров. Из Артека мы отправились в Севастополь. Там впервые я попал на подводную лодку — еще образца Великой Отечественной войны, — где экскурсию нам провели настоящие военные моряки. После Севастополя нас повезли в Бахчисарай, оттуда в Феодосию в музей Айвазовского и в Керчь. Я был переполнен впечатлениями. Чего только стоят воспоминания о ночевке под Керчью в спальных мешках в открытой степи.

Вообще, мое детство не сильно отличалось от детства любого другого среднестатистического советского ребенка. Считается, что спортсмены заняты исключительно своим делом и ни на что другое у них не хватает времени. Позволю себе не согласиться. Всегда можно и нужно находить минутку для других развлечений, иначе ни один человек, а тем более ребенок, не выдержит такой жизни. Я много